

СВЕТЛАНА МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО

писатель, заслуженный деятель искусств Кубани

ПРО ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ В ЦИФРОВОМ МИРЕ И ВТОРИЧНОЕ ОДИЧАНИЕ

Начну с цифрового мира. Хотя уверена, в двадцать первом году двадцать первого века уже никому не нужно объяснять, что это такое. Всё же вспомним известное утверждение Пикассо и немного перефразируем: литература – это ложь, которая говорит правду. И ведь не поспоришь! На самом деле именно писатели первыми и намного раньше цифровых времён представили нам это самое цифровое время в ярких художественных образах. Давайте вспомним роман Чернышевского “Что делать” с идеей стеклянных домов и полной прозрачностью общества. Ленин говорил, что этот роман “рано читать тем, у кого молоко на губах не обсохло”. В этом же ряду роман-утопия Евгения Замятина “Мы”, который уже сто лет повествует о тоталитарном обществе будущего, управляемом по математически выверенным формулам. Аксиомой и в одном, и в другом произведениях звучит: свобода и счастье несовместимы. Даже двери и полы в романе Замятина тоже стеклянные.

В 1949 году Джордж Оруэлл выпускает свою знаменитую книгу (запрещённую ныне в Китае) “1984”, и, думаю, совсем не случайно выходит она параллельно с окончанием работы над рукописью “Властелина колец” Толкина. У Оруэлла прозрачность жизни общества обеспечивает телеэкран, который работает в двух направлениях: и на приём, и на трансляцию. Однако суть цифрового мира, на мой взгляд, идеально ёмко и образно удалось определить именно Толкину: око Саурона на башне. Оно неусыпно наблюдает за каждым живым существом Средиземья. И главное: оно устремлено не просто в пространство, а в глубину сознания. Под взглядом Саурона теряется собственная воля, он блокирует самооценки и делает людей не только послушными и управляемыми, но глупыми и недалёкими. По своему виду око Саурона напоминает глаз с масонской дельты, изображённый на каждом долларе и словно неколебимо запечатлевший: “Тебе не скрыться...”.

Всевидящий глаз есть и у христианской религии. Существует старообрядческая икона “Божественное око”. Это прообраз Страшного Божественного суда, на котором открываются все поступки и мысли каждого. Но люди решили создать свою систему. И вот сегодня, чтобы приучить наших детей к уже далеко не утопическому прозрачному миру, существуют телешоу и телепроекты “За стеклом”, “Большой брат”, зрители смотрят и не подозревают, что и сами окажутся в этом просвеченном и пробуравленном оком Саурона мире. Уже внедряется сканирование детских лиц в школах. Зачем? Ведь оно не защитит

ни от террористов, ни от проноса опасных предметов, ни от конфликтов внутри школы, ни от опасных травм. Выходит, что главная суть проекта – привыкнуть к правилам и реалиям жизни в новом прозрачном цифровом мире?

Я не считаю себя замшелым консерватором, отрицающим технический прогресс и подвергающим остракизму всё, что может нести в себе цифровизация, поверьте. Сама по себе цифра – это только средство. Как использовать её, зависит от человека. К сожалению, обманываться не приходится. Понятие воли и свободы в создаваемом на наших глазах цифровом пространстве исчезает вовсе. Власть нуждается в тайне. Индивид превращается в товар. К внедрению в нашу жизнь прозрачных стен и дверей, несомненно, толкает торговля. Количество денег, которые тратят дети с 12 лет и младше, в скором будущем в Америке будет составлять триллион долларов. Вот и представьте себе жизнь под стеклом на фоне ювенальной полиции. И только попробуйте отказать ребёнку, требующему купить ту или иную игрушку, попробуйте таким образом травмировать дитя... Последствия не заставят себя ждать.

Теперь из цифрового мира, из мира стекла и пластика, повсеместного электричества и ТВ-комфорта давайте обратимся ко временам страшным, диким, древним, доисторическим. В традиционно-упрощённом понимании мы привыкли видеть древних людей как распущенных, злобных тварей, в среде которых царят половой беспорядок, кровавые культы и дикие суеверия, идолопоклонничество и жажда насилия. Это видение очень соответствовало марксистской – и либеральной – концепциям об исторической изменчивости человечности, о непостоянстве смыслового содержания этого понятия. Увы, оно мало соответствует исторической правде. Трудными антропологов доказано, что стадия промискуитета, полового беспредела не есть первичное состояние человеческого стада, что она уже вторична для человеческих племён, и она же – протиестественная, созданная под влиянием демонических религиозных культов. Человеческие жертвоприношения не свойственны древним общинам, они появляются много позже начала истории и появляются не сами по себе, а в ходе развития демонических мистерий. Ранние общества вполне гуманны, словно бы не вышли из животного стада. Даже преступников-душегубов там не казнят и не приносят в жертву, а изгоняют. Причём не являются исключением и древние племена и культуры мезо-Америки, о которых мы знаем сегодня как о претерпевших наиболее сильное демоническое влияние. Так вот, у ацтеков, майя и инков жертвоприношения людей вошли в практику не от начала государственности, а много позже. «До установления господства тольтеков в жертву приносили чаще всё же не людей, а животных. Известно, что дикие индейки, собаки, белки и игуаны считались вполне подходящими приношениями для богов майя» (см. М. Ко, «Майя». М, 2001. С. 207).

«Таким образом, «демонические культы появлялись не совместно с организацией городов-государств или укрепленных посёлков, они возникали совершенно независимо от вещественной стадии развития той или иной культуры. Теории об их «особой» нравственности, об особых моральных мерках для каждой эпохи безосновательны. Добрые люди древности были не менее добры, чем добрые люди нашего времени, и злые люди древности были не более злы, чем наши злодеи. По сути, нет ни одного вида злодейства, которое ушло бы в прошлое вместе с изменением и развитием материальной культуры. В XX веке человечество тешило себя иллюзиями, что мы «переросли» жестокие способы казней и пытки, но, как показывает XXI век, мы ничего не «переросли», и в иных душах не меньше тьмы, чем в душах кутиев или гуннов» (А. Леонидов-Филиппов «Демонические культы: шёпот преисподней»).

Нельзя не вспомнить в этой связи слова Генриха Лейбница, сказанные в XVII веке: «ЗЛО ПУБЛИЧНОЕ удваивается». Да и как не вспомнить это его утверждение в наш цифровой век, с нашими ТВ и интернетом, напичканными сценами насилия и разврата... **Публичное зло удваивается!**

По словам писателя и учёного Александра Леонидова, «демонизм, очевидно, имеет опору вне человеческой природы, поскольку обладает унифицирующей однородностью проявлений, стабильный и сильный вектор воздействия на всю человеческую историю. Ключевым направлением демонизма является деятельность по уничтожению материальных носителей информации, памяти и сознания, а также препятствование их нормальному функционированию. Демонизм становится протоосновой ряда религий, идеологий, социальных

практик. Именно это даёт основания не относить демонические практики, встреченные у примитивных племён Африки, на счёт “животности”, близости к природе, наследия до-человеческих стадных отношений”.

В XIX веке учёные-этнографы изучали демонические культы на примере бесчеловечных ритуалов у народов западного Банту – это большие этнические группы, проживающие практически по всей территории Африки. Здесь наблюдается совершенно непонятное для нормального человека стремление мучить своих соплеменников, упиваться их страданиями и паническим ужасом, их смертью от пыток, причём безо всякой разумной хозяйственной надобности. Как утверждает Деникер, именно эта жажда мучений стала в конце XIX века одной из ГЛАВНЫХ причин вымирания народов, например, во французском Конго.

Решусь предположить на примере антикультурного развития народов Банту, что человеконенавистничество и вторичное одичание грозит и христианским народам, если они забудут заповеди Спасителя, Который, придя в мир, уберёт нас от *шэпота преисподней*, имеющей конечной целью всеобщую смерть человеческого рода, того самого шэпота, от которого не были защищены народы в Африке.

Людоедство и садистские ритуалы возникли не в седой древности, произошли не от “бескультурия” и темноты. Народные легенды многих европейских стран повествуют о “золотом веке”, за которым, увы, последовало отступление от данных Богом заповедей, произошла демонизация общества и порча нравов.

Ведь у тех же народа Банту исследователи с огромным удивлением обнаружили подтверждения их версии легенды о “золотом веке”. Выяснилось, что в исторически обозримом прошлом Банту жили в справедливом государстве Бу-Шонго, в котором правила мудрые властители, избирались делегаты от разных ремёсел, даже от женщин и от рабов. Именно эти делегаты играли роль противовесов и в составе советов ограничивали власть правителя в пользу различных социальных слоёв. “Моральный кодекс Бу-Шонго, – пишет Деникер, – стоял на высокой степени развития”. Кстати, существует и европейская легенда о “золотом веке”, который мы уже миновали. Относя поначалу эту легенду к выдумке, учёные склонны теперь поменять своё мнение и признать его существование во времена былые.

А теперь снова вернёмся в XXI век и посмотрим, как может продвигаться у нас идея каннибализма. Вернее, как в *Окне Овертона* невероятное становится нормой. Я лишь схематически обрисую; наверняка, многим эти технологии уже знакомы. Итак, в вождельном цифровом сказочно-прекрасном, далёком от дикости цивилизованном мире существует свобода слова. И почему бы не поговорить о людоедстве? Особенно учёным, например, на этнологическом симпозиуме по теме “Мистические культы африканских племён”. О каннибализме, оказывается, можно говорить вполне предметно и rispetабельно. *Окно* сдвинулось. Одновременно с околонучной дискуссией в “инете” может возникнуть “совершенно случайно” “Общество радикальных каннибалов”. И все мировые СМИ об этом сообщат, расскажут о “плохих радикальных каннибалах”. Табу снято, тема десакрализована. Следующее движение *Окна* – перевод темы из радикальной области в область возможного. На этой стадии цитируются “учёные”. Ведь нельзя отворачиваться от знаний. А тот, кто откажется обсуждать каннибализм, – лицемер и ханжа. Осуждая ханжество, людоедству обязательно заменяет название. Нет больше людоедства и каннибализма, они слишком оскорбительны. Теперь их обозначают, как антропофилия, например. Параллельно с игрой в имена вытаскиваются все факты легитимные из истории и мифов. Мать напоила своей кровью жаждущих детей, античные боги поедали всё подряд... и проч. Главная задача этого этапа – вывести поедание людей из-под уголовного преследования. Затем *Окно Овертона* двигается из области возможного в область рационального. Создаётся “поле боя” за проблему: “Пусть каждый решит сам”, “Пусть определит, кто он – антропофил или антропофоб”, “Не скрывайте проблему”, “А есть ли в антропофилии вред?” “Учёные” и журналисты доказывают, что человечество на протяжении всей своей истории поедало друг друга. Антропофилия массово проникает в новости и ток-шоу. Выясняется, что многие великие – антропофилы...

И вот кто-то уже съел свою жену, потому что жизнь заставила. А если быть объективными, то антропофилы – хорошие люди, у них высокий IQ.

“Она хотела быть им съеденной, потому что это была Великая любовь...” Начинается подготовка законодательной базы... Слава Богу, пока этого у нас нет. Но уже есть Грета Тунберг, уже есть призывы употреблять в пищу трупы людей, уже кричат датские школьники, предлагая поедать младенцев ради спасения Земли, ради спасения несчастных животных. Кстати, закон о защите животных был принят Гитлером в Германии, Гитлер любил животный мир, особенно собак. И как тут не вспомнить: “Если заговорили о любви к животным, жди бесчеловечные времена...” Вы не поверите, дорогие друзья, **Окна Овертона**, эта технология работает даже при её осознании. **Воздействие на подсознание оказывается через базовые потребности человека.**

1. Толерантность.

2. Эвфемизм, т. е. замена неудобного термина на нейтральный, не несущий эмоциональной нагрузки. (Оцените: душегуб-убийца-киллер.)

3. Принадлежность к стае.

4. Иллюзия авторитета.

5. Законно – значит, правильно.

Цель технологии – получить новый нужный вектор развития. Вы скажете: ну, зачем же сгущать краски? В 20-м году XXI века нет никаких антропофилов и антропофобов. Не надо их придумывать. А что есть сегодня? Какой уже точно и определённо существующий вектор предлагается нам в первой четверти двадцатого века? Вот здесь, поверьте, я уже приближаюсь к теме чтения, детского чтения, хотя я от неё не отходила и надеюсь, что моя логика угадывается. Давайте поговорим не о книгах. Давайте поговорим о кино, именно здесь новый вектор прослеживается, конечно же, наиболее ярко. Потому как, ну, кто в XXI веке читает книги? А фильмы смотрят все! Итак, лучшим фильмом 2014 года кинокритики США назвали драму “Прощай, речь”. Это “нечто” престарелого франко-швейцарского режиссёра Жан-Люка Годара признано лучшей картиной по версии Национального общества американских кинокритиков. В основе кинокартины – история о замужней женщине, одиноком мужчине и собаке. Фильм демонстрировали на Московском кинофестивале. Режиссёр, как известно, признан классиком французской “новой волны”, которую характеризуют всё более тупые спецэффекты, адресованные явным дебилам, да изыски элитарных “киномастеров”, прячущих собственную пустоту за непонятностью, а вернее даже – за бессмысленностью. Так вот, “Прощай, речь” снята от лица собаки, свидетеля развивающейся любовной истории, и претендует стать иконой стиля нового кино. “Прощаясь со словами, с привычным логоцентричным кино, Годар предлагает вместе с ним проследить за рождением другого, непереводимого и универсального языка, на котором он по-прежнему говорит едва ли не лучше всех, кто сегодня называет себя кинорежиссёром”, – пишет журнал “Кинообозрение”. Про фильмы, предшествующие картине “Прощай, речь”, с которых зрители уходили из зала на десятой минуте, восторгающаяся Годаром “Газета.ру” всё же не смогла не заявить следующее: “Руководствуясь линейной логикой, понять что-то в этом киновареве было решительно невозможно”.

И вот теперь, наконец, поговорим о текстах. Прежде всего: ключевой вопрос нашего с вами бытия заключается в иерархии текстов человеческой культуры, которую и порождают приоритеты. Именно расстановка текстов, определение, какие из них важны, сверхважны, помогают понять, что является абстракцией мышления, а что можно смело отнести к бреду.

Литературные тексты – не зеркальное отражение действительности, в этом случае они были бы лишены смысла и совершенно бесполезны. Литературные тексты – это осмысление происходящего вокруг, осмысление состояния общества, общественных процессов. Это создание ярких художественных образов, способных воздействовать и на ум, и на сердце человека; конечная цель литературного творчества – разговор о главных смыслах человеческого бытия. Конечно, разговор этот не может и не должен быть примитивным. Литераторам нужны символы, аллюзии, метафоры, парадоксы и т. п., но они не могут становиться самоцелью, процесс создания литературного текста не должен заканчиваться на создании небычного “инструментария”, ведь перечисленные ранее приёмы и являются инструментами писателя.

Но именно “инструментарий” может стать миной замедленного действия. Как отличить метафору, аллюзию, символ, парадокс, паллиатив от бреда?

Где грань, за которой сложное абстрактное мышление становится лишь подобием мышления и превращается в полную нелепицу?

Не секрет, что сложная метафора, перенесённая в условия иной страны, иной культуры, не только покажется бессмысленной, но и будет таковой. Например, англичане, если хотят обвинить кого-то в трусости, говорят, дословно, “показать белое перо”, а русские умеют “водить за нос”. Разве это не сумасшествие, если без всяких объяснений перевести это с языка оригинала?

Но метафора – только часть смысла. Ещё более значима и жизненно важна для нас, повторяю, та самая соподчинённость текстов относительно друг друга в рамках общей культуры. Если будет потеряна иерархия текстов, мы не сможем понять разницу МЕЖДУ АБСТРАКТНЫМ МЫШЛЕНИЕМ И БРЕДОМ!

Для пояснения этого научного закона очень наглядна детская песенка про старичку-лесовичка, который зацепился за сучок и просит детей ему помочь спуститься на тропинку. Здесь иерархия текстов строго соблюдена, самым приоритетным выступает контекст традиционного христианского гуманизма европейской цивилизации. Именно по этой причине мы с вами понимаем, почему и зачем старичку-лесовичку нужно помочь, а не, скажем, высмеять его нелепое положение, съест в качестве добычи или просто обратить на него внимание.

Смысл детской песенки очевиден только тому, кто находится в контексте христианской традиции человечности, хотя о ней ни словом не упомянуто. Да и не должно: главные тексты культуры действуют как бы за кадром текущих текстов, они присутствуют по умолчанию. Если бы их выпячивали – они были бы не главными текстами, а полемическими. Далее в песенке выступает приоритетность народного фольклора. Как вымышленная фигура, “старичок-лесовичок” ничем не отличается от, например, “старичка-сортирного”. Но о последнем нет и не может быть речи! Народный фольклор почитаем у всех народов и доминирует над авторской выдумкой.

Итак, суть ясна: приоритетные тексты умолчания – всем знакомые и всеми признанные авторитетными – не дают сказке превратиться в пустословие. Если этот культурный контекст убрать, то разделение произведения искусства и бессмыслицы исчезнет, между ними встанет знак равенства и станет символом разрушения всей нашей культуры! Поэтому, прежде чем давать в руки малышу новую книгу, обязательно определите, какой текст стоит по умолчанию? Присутствует ли в книге самый главный контекст: европейская христианская традиция? Ведь на самом деле свободная с виду фантазия художника или оратора должна быть очень жёстко ограничена обсуждаемой нами иерархией текстов. Если бы дети вместо помощи бедняге Лесовичку обругали бы его или ударили палкой, или равнодушно прошли мимо, то гневу, возмущению родителей не было бы предела. И это справедливо! То же самое случилось бы, если бы вместо Лесовичка выдумали бы “Говнючка”, и он вылезал бы перед детьми прямо из уличного сортира в соответствующем виде. Впрочем, в наш цифровой век уже и этим не удивишь, ведь во Франции создан цикл детских передач, героями которых являются человеческие фекалии...

Ну, а что случится, если иерархию разрешат нарушать? Или если главные тексты вдруг станут “не всем известными”?

Здесь уже точно не до шуток, потому что в этом случае мы получим духовную катастрофу. Вслед за распадом иерархии текстов начинается распад мышления. Утративший безусловные и необсуждаемые ценности человек довольно быстро перестает быть человеком. Ведь даже и речь человеческая – продукт иерархического сопряжения, согласования. И слова тоже разные. Есть главные, которые всем нужно знать. Есть жаргонизмы, термины, которые не всем знать обязательно. Есть и глоссолалия (а кроме неё, шизофазия) – бессмысленное звукоиспускание, которую не нужно знать никому...

Дорогие друзья, пожалуйста, обратите внимание на эти слова, когда вы открываете детские книги. Сейчас их издают авторы за свои деньги в любой типографии. И шизофазии там более чем достаточно. Почему-то считается, что чем нелепее будут эти самые шизофазии и вредные советы, тем круче! Шизофазии сегодня наводнили даже школьные учебники. При этом уродуется язык, смешиваются “кони, люди”, да ещё и приправляются частенько англицизмами...

Хотя иерархия текстов, конечно же, актуальна для всех возрастов, но, согласитесь, особенно страшно её разрушение в детских книгах. Итак, что стоит

во главе угла детского чтения? Христианская традиционная мораль с чётко оформленными понятиями добра и зла. Теперь давайте ответим на вопрос: формирует ли эти понятия самая продаваемая, самая популярная в XXI веке книга для детей “Гарри Поттер”? Кстати, вы не задумывались, почему так победно прошла она по континентам, городам и весям? Даже если действительно именно эта книга – выдающееся произведение для детей, которое перевели на 67 языков мира, как смогла писательница Джоан Роулинг (кстати, её частенько называют домохозяйкой) настолько ярко заявить о себе, получив баснословные тиражи и гонорары? Ведь литературные критики уверяют, что в наше время, родись второй Гоголь, о нём вряд ли узнали бы... А не реализована ли с помощью этой книги та самая технология *Окна Овертона*? Ведь в “Гарри Поттере” нет добрых и злых. В ней рассказывается о своих и чужих. То есть в этой книге преподносится уголовная этика. Свои – хорошие, чужие – враги. Снискав мировую славу, писательница была уверена, что именно она занимает верхнюю позицию писательского пьедестала, возглавляет либеральное литературное крыло. Но двинув *Окно Овертона* в разрушении христианской морали, она сама ощутила последствия. Джоан Роулинг столкнулась с ожесточённой критикой после того, как публично поддержала уволенную сотрудницу лондонского Центра глобального развития Майю Форстер, высказавшую сомнение, что мужчина может стать женщиной. Роулинг тогда опубликовала в Твиттере серию ироничных сообщений. В итоге ЛГБТ-сообщество обрушилось на Роулинг с обвинениями. И писательница в числе 150 литераторов, журналистов и общественных деятелей, среди которых и российский оппозиционер Гарри Каспаров, вынуждена была подписать открытое письмо, осуждающее ограничение открытых дискуссий и бойкот публичных персон за выражение частного мнения о какой-либо социальной группе. Поняла ли Джоан Роулинг, что “Гарри Поттер” отыграл своё, предназначенное ему действие? Теперь *Окно Овертона* двигают другие, рассказывая уже не про колдунов и магов, не про рецепты их снадобий, не про их заклятия, с которыми всегда боролась Церковь, а про любовь мальчика к мальчику и девочке к девочке. Разрушение христианской морали перешло на новый этап. Какова конечная цель? Довести нас до состояния демонических африканских племён? И, в конце концов, привести к вымиранию? Пожалуйста, вспомните об этом, когда будете рекомендовать школьникам книгу “Гарри Поттер”.

В этой связи не могу не сказать о тлетворном влиянии литературы и перспективности именно литературы в технологии *Окна Овертона* в продвижении демонических идей. Потому что литература – поле битвы за сердца людей, невидимая война добра со злом, которая ведётся испокон веков, не затихая ни на минуту. Литературу лишь в малой степени можно определить, как изысканно-утончённое искусство для услаждения изощрённого слуха эстетов, но в главном своём предназначении – это средство для управления массами. С её помощью удобно формировать неокрепшие души, управлять умами, вести развитие общественной мысли в нужном направлении. Причём и управление, и влияние не кратковременно, оно имеет долгосрочную перспективу. Именно поэтому многими даже не замечается. Слово, особенно слово написанное, зафиксированное, обретшее плоть, может стать стимулом к действию, пробудить у человека желание изменить действительность. Писатели – властители дум. А уж детские писатели – вдвойне. Они говорят с нашими детьми, что называется, с глазу на глаз. Литература – самое интимное искусство, разговор между писателем и читателем, самый длинный и доверительный разговор о самом главном, должен быть о самом главном. Так о чём писатели говорят с нашими детьми? Душесозидательный ли это разговор? Или только стремление выдать за шедевры плоды своего патологического воображения?

Настоящее творчество всегда позитивно, всегда ведёт к душевному преобразованию, нравственному совершенствованию. Оно всегда зовёт к свету и Богу. Даже если Раскольников убивает старуху-процентщицу и идёт на какому-то торгу, это путь очищения и просветления. Это путь, который открывает для нас русская классическая литература. Конечно, мы должны понимать её как камертон.

Я много лет работаю в писательской организации и уверенно могу заявить, что вдохновение бывает не только от Бога, но и демон делает человека

вдохновенным. “Дурное семя – дурное племя”, – давно сказано в народе. Дурное вдохновение – дурные и плоды его.

На невероятную высоту взгромоздили у нас Серебряный век. А ведь весь он – “любовь, исполненная зла”, как утверждает Станислав Куняев в своей одноимённой книге, посвящённой веку декадентства, веку модных тогда упаднических мотивов и воспевания суицида. “Голубая речка // Обещает мне // Тёплое местечко // На холодном дне...” (Г. В. Иванов). “Пробочка над крепким йодом, // Как ты быстро перетлела. // Так вот и душа незримо // Жжёт и разъедает тело...” (В. Ф. Ходасевич). Куняев, например, убеждён, что и гибель Цветаевой – это результат той самой отравы, которую она получила от Серебряного века.

*Вскрыла жилы. Неостановимо.
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки.
Всякая тарелка будет мелкой.*

М. И. Цветаева

Вот она пишет:

*Дурная мать! — Моя дурная слава
Растёт и расцветает с каждым днём.
То на пирушку заведёт Лукавый,
То первенца забуду за пером...*

“Памяти Беранже”

И ведь это не просто слова! (Лукавый с большой буквы!) Вспомните про её старшую дочь Аню, которую она считала недостойной такой матери, как Марина Цветаева. Девочка погибла...

В тексте не спрячешься. Это мне давно объяснили, и я полностью согласна. В цифровом нашем веке очень много детских самоубийств. Тем не менее, Серебряный век для века XXI в нашей стране – просто эталон, о нём снимают фильмы, его тиражируют в СМИ. В противовес социалистическому реализму. Но вот парадокс: в советский период практически не создаются произведения, разрушающие сознание, их почти нет. Поэзия и проза советских писателей полна света, надежд, жизненных перспектив. В ней нет ни убогого нытья, ни декадентской тоски, ни убийственного уныния. Русская литература советского периода учила добру и жизнелюбию, учила любить труд, призывала к подвигу и самопожертвованию, она не искала смысл жизни – она его утверждала. И самое главное – она давала положительных героев как пример для подражания. Детям было на кого равняться. И стремясь быть похожим, ребёнок, юноша, читающий человек хотел становиться умным, добрым, справедливым, честным, решительным, благородным. Он хотел быть героем и становился героем.

Буквально на днях в Краснодаре, в библиотеке бр. Игнатовых мы подводили итоги краевого литературного конкурса, и ведущая спросила одного из участников, на какого литературного героя он хотел бы быть похожим. Парень долго собирался с мыслями и, наконец, неуверенно произнёс: “На “Горе от ума”. На главного героя пьесы он бы хотел походить, так, увы, и не вспомнив его имя. Чацкий нравится школьникам цифрового века: он дерзкий, он обличитель, он ниспровергатель XVIII века, консервативного и отсталого, по словам Чацкого. Но теперь-то мы знаем, что в век Екатерины Россия приобрела международный авторитет, приросла землями, благодаря усилиям тех, кого осмеивал Чацкий. А в веке XIX люди, очень похожие на героя пьесы, запустили огромные разрушительные процессы, которые привели страну к революции... Но кстати, предпосылки Серебряного века с его манией величия гения, непонятого всеми, были и в веке XVIII-м. Вспомним Сумарокова и его бессмертное: “Иди, душа, во ад и буди вечно плена. // О, если бы со мной погибла вся Вселенная”. Я работаю в семинарах с молодыми и начинающими, поверьте, это сказано на все времена...

Не могу не назвать имена советских писателей, которые помогут школьникам осознать себя русскими людьми. Это произведения Михаила Пришвина,

Ивана Соколова-Микитова, Михаила Шолохова, Льва Кассиля, Аркадия Гайдара, Василия Шукшина, более близких к нам по времени Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Василия Белова, Владимира Чивилихина, Николая Носова, Анатолия Алексина, Владислава Крапивина, Виктора Драгунского. Из поэтов – и вовсе можно назвать целую плеяду – Алексей Ганин, Сергей Марков, Николай Рубцов, Алексей Прасолов, Николай Тряпкин. Ну, и для самых маленьких – Агния Барто, Корней Чуковский, Самуил Маршак, Сергей Михалков. Вот эти имена – компас, камертон, маяк для нашего цифрового века.

А как “аукаются” ошибки писателей? Наверное, они дают о себе знать не просто через годы. Они влияют на целые поколения, формируя их. Недаром И. В. Сталин назвал писателей “инженерами человеческих душ”. Он нисколько не сомневался, что их произведения могут быть мощным идеологическим оружием. И такое оружие было взято государством под контроль. Кстати, о пользе цензуры, как вы помните, писал ещё Пушкин. Ну, а Сталин, как известно, всячески покровительствовал писателям, создав для них особые условия жизни в Советском Союзе. В этом смысле Иосиф Виссарионович был в высшей степени мудрым человеком, потому что понимал: если в руках врача – жизнь человека, то в руках писателя – душа человеческая, которой... можно управлять.

Дорогие друзья, мы с вами прекрасно понимаем, что управлять детскими душами намного проще, потому что здесь работа идёт с чистого листа. Подводя на сегодня итог сказанному, я теперь уже прямым текстом выделю главные мысли, в правильности которых я вас убеждала: к сожалению, мрачные романы-утопии сбываются. К сожалению, технический прогресс не может нам гарантировать, что демонические культуры исчезли навсегда, человечество переболело страшными болезнями и нашло противоядие. Увы... Пока симптомы очень тревожные: вторичное одичание грозит и цифровому веку. Поэтому мы с вами должны твёрдо и чётко понимать, “что такое хорошо и что такое плохо”. Мы должны уметь увидеть в предлагаемых детям текстах истинные цели и задачи, которые поставлены авторами. И мы должны уберечь наших детей от их пагубного влияния.

Закончу я словами Джозефа П. Овертона, рассказавшего нам о самой технологии Окон: “Но лично ты обязан оставаться человеком. А человек способен найти решение любой проблемы. И что не сумеет один – сделают люди, объединённые общей идеей”. Эта идея – сохранение наших детей и сохранение России. Воспитание достойных, психически здоровых людей.